

ПЕТРОВИЧ

Протоиерей Андрей Ткачев

Мужественных людей видели все. Все видели пилотов, гонщиков, боксёров, космонавтов, парашютистов. Видели хотя бы по телевизору. В их деле без мужества никак. Но и в обычной жизни мужество — качество полезное. В случае угрозы мужественный человек идёт на врага молча и спокойно, и при некотором умении бить у мужественного человека может получиться зрелищный нокаут...

Но что если враг — не мужчина — и умение бить не спасёт? Что если враг и не женщина — и его не размягчишь цветами и комплиментами? Что если враг вообще не человек, но нападет на тебя вполне конкретно и воюет без передышки? Если враг — болезнь? В этом случае говорить о мужестве тяжелее, чем в случае с парашютными прыжками или спаррингами в подворотнях.

Вы видели мужественных больных? Я вспоминаю одного.

Я зашёл к нему в дом по просьбе его жены. Алексей Петрович — так его звали — лежал на широкой и чистой постели в большой и ухоженной львовской квартире. За окнами шумел, вонял, трезвонил и гудел клаксонами раскалённый летним солнцем каменный город с дефицитом зелени и узкими улицами. С горячих крыш вспархивали голуби. Жидкие облака летели по небу, словно желая побыстрее покинуть городскую черту. А здесь, на втором этаже углового дома, было прохладно и чисто, сиял паркет (явно австрийский, а не современный), в клетке урчал и грыз прутья попугай с пёстрым хохолком, и в широкой постели лежал хозяин — разбитый параличом мужчина лет сорока пяти.

Я причащал его в первый приход. Потом соборовал и снова причащал. Но главное — мы общались. Петровича парализовало после автомобильной аварии. От него сразу ушла жена, сказав, что она ещё молода и хочет «жить, а не ухаживать за овцем». Пожить ей Бог судил недолго — разбилась насмерть очень скоро в другой автомобильной аварии. С Петровичем теперь жила другая женщина, настоящая жена и подруга, способная полюбить там, где большинство способно только убежать. Когда мы познакомились, его тело было мертво в части ног. Руки действовали, и с боку на бок он переворачивался ещё самостоятельно.

Алексей Петрович любил порядок, жена его чисто брила, регулярно массировала и вообще держала в доме какой-то немецкий Ordnung с налётом славянской душевности. Удивительным было то, что больной самостоятельно зарабатывал. Он, будучи профи в сфере юридической, выдумывал и отшлифовывал какие-то схемы отправления людей за рубеж, открытия и закрытия бизнеса, чего-то ещё, чему я имени не знаю. Дом его наполнился приходящим и уходящим людям. Скучно не было.

Руки Петровича работали неодинаково. Правая гнулась и слушалась гораздо хуже левой.левой рукой

он нажимал на кнопки телефона и то и дело прерывал наши беседы приёмом звонков и точечной консультацией. Он поразил меня тем, что на его месте тысячи людей сдулись бы, как воздушный шарик, сморщились бы и улетели в форточку, озлобились бы на весь мир. А наш пациент был бодр, как «морж» после выхода из проруби. Я помню, как однажды моя душа перед пробуждением — это странное время между сном и бодрство-

ванием — ощутила себя в таком вот полупарализованном теле. Помню, с каким ужасом я проснулся и стал шевелить, двигать ногами, руками, корпусом и головой.

Проблема усложнялась тем, что болезнь прогрессировала. Паралич распространялся, как клякса по промокашке, превращая тело Петровича сантиметр за сантиметром в подобие дерева. А он был всё так же весел и бодр. Он был мужествен. По-настоящему.

Я не чудотворец, и от моих молитв здоровья к больному не вернулось.

Мотдалились и встретились снова через пару лет. Он жил уже в другой квартире, тоже в старой части города, тоже аккуратной и чистой, но поменьше. Причины переезда были прозрачны — зарабатывать, будучи прикованным к постели, всё же нелегко. Верную жену возле больного сменила сиделка. Жена не ушла, нет-нет. Не подумайте. Она просто на каком-то этапе смертельно устала, и Петрович, не желая видеть увядание любимой женщины, уговорил её уехать, кажется, в Австралию. Документы, канал миграции, маршрут придумал и оформил сам. Теперь они ежедневно созванивались, и она, говорят, плакала в трубку.

О прошлом напоминал попугай, бурчавший в клетке и периодически грызший прутья. У Петровича работала уже только левая рука и нос. Носом он иногда нажимал на кнопки телефонного аппарата, стоявшего на столике рядом. Телефон всё так же разрывался от входящих звонков, в прихожей всё так же уходившие визитёры сталкивались

со вновь пришедшими. Но было очень грустно.

Ты не видишь чужих детей какое-то время, а потом при встрече восклицаешь: «Ой, как вы выросли!». Здесь было нечто подобное, только в печальном варианте. Выросли не дети. Выросла и усилилась хворь, и мёртвость шире растеклась по телу.

Перемены не было только в глазах и голосе больного. Он по-прежнему излучал энергию и оптимизм. Он жадно требовал новостей, спрашивал, слушал, обсуждал услышанное. И я любил его, но мне было как-то стыдно, что я пришёл на своих ногах и могу при разговоре жестиковать обеими руками. Было как-то неловко от того, что вот я со временем встану и спущусь по лестнице вниз, выйду на улицу, вдохну серую слякоть, взвешенную в воздухе, и подниму воротник пальто. А вот Петрович останется на месте, и не встанет, и не оденется, и не спустится вниз, застёгивая на ходу пуговицы или закутываясь в шарф.

Всех, с кем пересекался по жизни, помнить невозможно. Но и забыть некоторых тоже нельзя. Человек может быть очень красив, или очень богат, или очень уродлив, или очень беден. Он может быть очень честен, или, наоборот, очень подл. В любом случае, если слово «очень» можно прибавить к характеристике человека, шансы забыть его у вас уменьшаются.

Петрович был очень мужествен. Так я говорю себе спустя многие годы, если тема мужества почему-то захватывает меня. Альпинисты, парашютисты, дайверы, байкеры и десантники тогда смиренно отодвигаются в сторону, уступая в сознании место мужчине, лежащему в чистой постели рядом с телефоном. В его глазах нет уныния и голос у него бодр. Даже на жизнь он зарабатывает сам, не покидая постели, нажимая на кнопки носом и шевеля извилинами.

Проснувшись среди ночи, шевеля не столько извилинами, сколько ногами и руками, чувствуя, что могу встать с постели, я временами вспоминал Петровича. Я удивлялся ему и стыдился себя. Стыдился слабости, нытья, уныния, того полного бессилия, что часто овладевает здоровыми и сильными людьми, которых на одной силе воли обгоняют по жизни слабые и больные. Оставался только вопрос: эта стойкость и мужество — это врождённые качества или воспитанные? Если врождённые, я замолкаю. Такое наследство мне не передали. А если воспитанные, то как? Какими упражнениями, какими мыслями?

Это вопрос в воздух. Это вопрос белеющему потолку среди ночного безмолвия. И сами гении не знают всех секретов собственной гениальности. А может, одному только попугаю с пёстрым хохолком открыто нечто, и по ночам он слышит жалобные стоны и всхлипывания?

Под эти мысли я иногда засыпаю, чтобы, проснувшись утром, обеими руками сбросить с себя одеяло и медленно сесть на кровати. Сначала сесть, а потом встать на обе ноги.

Горькая правда

E300 E283 E155 E362 E214
E210 E160 E404 E634 E211
E270 (E???) E1501
E231 E249 E241 E508 E23
E150 E401 E462 E131 E312
E249 E224 E233

ЧЕМ НАС ТРАВЯТ

«Не вздумай покупать — шепчет мне знакомый биолог, — лучше присмотришь внимательно». Красивые, неувядающие яблоки, интересно, сколько им лет — 1,3, или 5? А биолог объясняет: «Нормальные яблоки уже давно бы сгнили, а этих гниль не берет даже в 30-градусную жару. Они насыщены высококонцентрированными консервантами. Но если консервант убивает гнилостные бактерии, то он также убивает и кишечную бактерицидную среду. А последствия — утрата нашим организмом иммунологических способностей, язвенные и опухолевые процессы в организме».

Особенно опасна импортная продукция. Ведь одна и та же компания выпускает три категории одного и того же продукта: 1-я категория — для себя (для внутреннего потребителя); 2-я для экспорта в развитые страны; а 3-я — продукты с наилучшими параметрами для вывоза в развивающиеся страны, в том числе для СНГ и России. На таких продуктах 3-ей категории ставится специальная маркировка — буква «Е» с определенным трехзначным числом. Например, пепси-кола и маргарин из Голландии и Германии консервированы эмульгатором E330, который может вызывать раковые заболевания.

Благодаря применению консервантов срок годности продуктов продлевается во много раз. Ну подумайте сами, неужели обычная томатная паста без консервантов будет сохранна 2 года? Нет! А с консервантами, красителями и эмульгаторами E412, E330, E621 она остается свежей до 3 лет! А творог: ну самый большой срок его сохранности 4-5 дней. А сладкие творожные сырки с E412, E463 лежат у нас в магазинах месяцами. Обычный маргарин лежит в холодильнике не более 1 месяца, а знаменитая «Рама» или «Масляный городок» хранятся до 2 лет.

Продукция с E330 запрещена в западных странах. А у нас об этом мало кто и знает в провинции. Причем продукты с разными «Е» продаются и супермаркетах, продаются по более дорогой цене. И бьют не только по нашему карману, но и по нашему организму. Так что внимательно вдумайся, дорогой читатель, что покупать: продукт на рынке с малым сроком хранения, но натуральный, или продукт с длинным сроком хранения, в красивой упаковке, но с горькими последствиями. Приводим для вас обозначения кодов вредных веществ в продуктах питания:

ЗАПРЕЩЕНЫ: E103, E105, E111, E121, E125, E126, E130, E152

ОПАСНЫ: E102, E110, E120, E129, E180, E201, E224, E233, E242, E401, E402, E636, E637

ОЧЕНЬ ОПАСНЫ: E123, E220, E222, E223, E228, E403-405, E501-503, E510, E513, E527

РАКООБРАЗУЮЩИЕ: E131, E142, E153, E211, E213, E240, E280, E281, E283, E626-635

ПРОТИВОПОКАЗАН ПРИ ГИПЕРТОНИИ И ОЧЕНЬ ОПАСЕН: E477

По материалам газеты «Исцелись верой» №1 — 2002г